

2013

**Аналитический
проект
BelarusSecurityBlog**

Центральная Азия: неопределённое будущее.

**Афганистан после вывода войск ISAF в 2014 году и национальные
интересы Беларуси.**

**Октябрь 2013
Минск**

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение в исследование.....	2
Ожидаемые последствия вывода войск ISAF.....	3
Угрозы: мифические и реальные.....	5
Центральная Азия – новая «пороховая бочка».....	7
Выводы для Беларуси.....	15
Заключение.....	19

ВВЕДЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЕ.

Значение Афганистана становится всё более весомым для национальной политики в области безопасности. Несмотря на риторику официальных властей, дестабилизация Афганистана – наиболее реальная угроза безопасности белорусского государства и при этом наименее очевидная для общества.

Хотя внешне это и не проявляется, в кругах, ответственных за обеспечение национальной безопасности Беларуси именно афганское направление становится приоритетным. При этом прогнозируемая угроза дестабилизации обстановки в Афганистане затрагивает и другие страны СНГ. Именно это и предопределяет то, что Беларусь «обречена» быть вовлечённой в той или иной степени во внутриафганскую проблематику. В данном случае можно говорить о ряде факторов, способствующих этому:

- психологическом, оставшимся в «наследство» от периода пребывания советских войск в этой стране;
- геополитическом, связанным с наличием общих границ с Афганистаном у ряда государств СНГ, с которыми Беларусь формально состоит в дружественных отношениях и действует безвизовый режим перемещения населения;
- криминальном, так как Афганистан является крупнейшим производителем героина в мире и прибежищем для радикальных экстремистов;
- международно-правовом, заключающимся в том, что в рамках ОДКБ наша страна приняла на себя определённые обязательства, связанные с обеспечением стабильности и безопасности центральноазиатских членов альянса. Суть и масштабы этих обязательств сокрыты от общественности.

В этой связи предстоящий в будущем году вывод из Афганистана войск ISAF является безусловным вызовом национальной безопасности нашей страны.

ОЖИДАЕМЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЫВОДА ВОЙСК ISAF.

Представляется, что более рациональным будет путь определения потенциальных вызовов для безопасности Беларуси, нежели конструирование возможных вариантов развития событий в Афганистане после вывода войск ISAF. Дело в том, что таких вариантов может быть великое множество в силу поликонфессионального и полиэтничного характера этой страны, вовлеченности во внутриафганские дела сопредельных государств, каждое из которых будет преследовать собственные цели. Однако закономерным результатом вывода западных войск станет общий упадок афганской государственности, грозящий перерасти в её полный коллапс.

К основным последствиям вывода войск ISAF из Афганистана можно отнести:

- дестабилизацию обстановки в стране, которая впрочем, может последовать далеко не мгновенно;
- вывод ISAF повлечёт достаточно скоро снижение интереса к ситуации в Афганистане, и как следствие – снижение объёмов поддержки местных властей, что моментально отразится на их способности удерживать под контролем национальную территорию¹;
- можно ожидать роста коррупции в силу отсутствия внешнего контроля за расходованием международной помощи;
- сжатие ресурсной базы чревато расколом и без того не монолитной правящей элиты Афганистана на конкурирующие за оставшиеся ресурсы группы, часть элит может пойти на союз с вооружённой оппозицией.
- упадок государственной власти будет означать дезинтеграцию Афганистана.

В свою очередь, дезинтеграция может протекать по двум сценариям: плохому и ещё худшему.

Плохой заключается в формировании относительно жизнеспособных государственных образований на территории всей или части Афганистана. Те из них, которые будут организованы на севере, могут послужить своеобразным буфером для стран СНГ. При этом рассчитывать на возрождение Северного Альянса не приходится, так как он был обязан своим существованием во многом такому харизматичному лидеру как А. шах Масуд. Фигуры его масштаба до настоящего времени в Афганистане нет. Поэтому более вероятным представляется формирование на южных границах СНГ нескольких, возможно, четырех, государственных образований: хазарейского, узбекского, таджикского и, возможно, памирского (исмаилитского). Их поддержка - наиболее оптимальный способ парирования угроз для стран СНГ.

Худший сценарий заключается в соматизации Афганистана, превращении страны в неуправляемый конгломерат десятков военно-политических и этно-религиозных группировок. Речь фактически идет о средневековой раздробленности в XXI столетии. В этой ситуации религиозные экстремисты, которых, как правило, отличают хорошая организация, четкая политическая программа и дисциплина, неизбежно возвысятся.

¹Ted Donnelly. *Fergana as FATA? Central Asia after 2014 – Outcomes and Strategic Options.* // TheForeignMilitaryStudiesOffice, 2013. С.8.

Отдельно следует остановиться на планах по сохранению некоторых военных баз США в этой стране после 2014 года. Очевидно, что численность их персонала будет относительно невелика и заметного влияния на развитие обстановки внутри Афганистана они оказать не смогут. Их малое значение для внутриафганской стабильности в совокупности с необходимостью значительных трат на содержание и постоянным силовым давлением противника может довольно скоро привести к эвакуации этих баз из Афганистана.

УГРОЗЫ: МИФИЧЕСКИЕ И РЕАЛЬНЫЕ.

Вопрос о том, устоит ли существующий режим в Кабуле, является вторичным для Беларуси. С точки зрения национальной безопасности страны нас должна интересовать в первую очередь, а может быть и исключительно, проблематика безопасности границ стран СНГ с Афганистаном. Следует признать, что сам по себе возврат к власти в Кабуле талибов далеко не худший вариант. Любое центральное правительство страны, даже состоящее из крайних религиозных экстремистов, вынуждено будет рано или поздно начать обустривать контролируемую территорию, налаживая там мирную жизнь. А это автоматически означает начало игры (хотя бы частично) по международнопризнанным правилам, потребует взаимодействия с соседними государствами. Достаточно привести исторический пример прихода к власти большевиков: будучи изначально сборищем международных авантюристов и откровенных бандитов, эта партия, получив власть, вынуждена была начать организовывать жизнь на подконтрольной территории в относительно приемлемых рамках.

Наиболее опасным представляется не столько приход религиозных экстремистов к власти, сколько дезинтеграция этой страны на малые, не способные сформировать государственную жизнь, регионы; превращение Афганистана в фактический неуправляемую территорию, где власть осуществляется племенными вождями и полевыми командирами без оглядки на какой-либо центр.

В независимости от того, сохранится ли Афганистан в качестве единого государства, следует сразу отметить, что по ряду причин говорить об исламистском походе на север буквально не приходится. Во-первых, внутренние ресурсы любого афганского правительства крайне ограничены, без международной поддержки стране будет очень трудно просто выжить, не говоря уже о каком-либо развитии. Одним из последствий вывода войск НАТО из Афганистана станет снижение интереса к этой стране со стороны Запада и как следствие – уменьшение объёмов донорской помощи. Таким образом, приход к власти религиозных экстремистов будет означать крайне низкую «стартовую базу» для них. Их потенциальная способность организовать эффективное государственное управление, скорее всего, окажется очень низкой. Во-вторых, маловероятно, чтобы экстремистам, не способным к политическому компромиссу и диалогу с другими религиозными конфессиями и этно-политическими группировками страны, удалось собрать под своей властью весь Афганистан. Можно уверенно утверждать, что будут территории, неподконтрольные любому (неважно, новому или старому) режиму в Кабуле и находящиеся с ним в состоянии войны. Масштабная внешняя экспансия в условиях внутреннего конфликта – самоубийство. В-третьих, внутренняя война приведет к разрушению и без того слаборазвитой афганской инфраструктуры. В этих условиях сомнительна сама способность сосредоточить на одном направлении значительные (несколько десятков тысяч человек) силы и главное – обеспечить их тыловую поддержку. При том, что своей авиации у талибов по большому счёту не будет. В-четвертых, наиболее удобное с точки зрения доступности для перемещения направление вторжения – Туркменистан. Однако это нейтральное государство. И нарушение его нейтралитета однозначно будет иметь тяжкие последствия для любого агрессора. Узбекистан отделяет от Афганистана река и хорошо оборудованная полоса укреплений. Хуже обстоят дела с Таджикистаном, однако там действует фактор географии. Горы не позволят

сосредоточить многотысячные отряды для вторжения и организовать их обеспечение без транспортной авиации и развитой логистической инфраструктуры. Которой в том регионе просто нет. И не будет. Опора на вьючный транспорт накладывает серьёзные ограничения как на скорость снабжения, так и на его масштабы.

Таким образом, основной проблемой для Беларуси и прочих стран СНГ может стать не некий мифический исламистский вал, а отсутствие в северном Афганистане договороспособных властей. С которыми можно решать хотя бы теоретически вопросы приграничной безопасности. Страна рискует превратиться в неконтролируемый конгломерат экстремистских и племенных группировок, ведущих непрерывные стычки и противоборство за политическое лидерство и скудные ресурсы. Это будет темная вода для различного рода экстремистов.

И угрозы соответственно будут включать в себя:

- создание плацдарма для пропаганды экстремизма возле южных рубежей СНГ;
- создание убежища для разного рода преступных и экстремистских элементов из стран СНГ;
- создание сети учебных баз боевиков, что будет означать наращивание операционных возможностей экстремистов;
- создание условий для формирования, экипировки и поддержки малых и средних групп экстремистов (в несколько сотен человек) для их последующего проникновения на территорию стран СНГ;
- инфильтрация отдельных боевиков в страны СНГ;
- поставка наркотиков из Афганистана;
- контрабанда в приграничных регионах;
- торговля оружием.

Отдельно следует выделить афганский наркотрафик, который уже сейчас представляет серьёзную угрозу международной, региональной и локальной безопасности. Незаконный оборот наркотиков трактуется Советом безопасности России как один из трёх главных вызовов безопасности, наряду с терроризмом и нелегальной миграцией. По данным Агентства ООН по наркотикам и преступности, в 2009–2010 гг. в Центральную Азию контрабандным путем переправлялось примерно 20 % афганского героина. Часть его потребляется в самой Центральной Азии, 3/4 поступает на российский рынок и небольшая часть идет далее в Европу (и в Беларусь). По данным ООН, Россия остаётся крупнейшим рынком афганского героина, потребляя столько же этого наркотика, как Западная и Восточная Европа вместе взятые. Россия потребляет больше всех в мире героина в расчете на душу населения, в этой стране насчитывается 1,7 млн наркозависимых, число которых увеличивается ежегодно на 80 тыс. человек. От передозировки ежегодно гибнет 30 тыс. человек².

²*Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. //* Российский совет по международным делам, Институт востоковедения РАН, 2013. С.37.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – НОВАЯ «ПОРОХОВАЯ БОЧКА».

Рассуждая о влиянии фактора Афганистана на положение в Центральной Азии следует признать, что регион сам по себе является крайне уязвимым перед лицом внешнего воздействия. В настоящее время центральноазиатские государства имеют ряд «слабых мест». При этом слабость их государственности может привести к тому, что даже локальный, но достаточно сильный удар обрушит хрупкое равновесие в регионе. И приходится констатировать, что так будет ещё очень долго. Более того, с течением времени обстановка может ухудшиться без всякого внешнего влияния.

Граница.

Рассматривая факторы уязвимости, изначально следует обратиться к географии. Афганистан граничит с тремя постсоветскими странами, одна из которых, Таджикистан, входит в ОДКБ. В силу этого на Беларусь наложены определённые обязательства по гарантированию безопасности этой страны.

Протяженность таджикско-афганской границы составляет 1206 км. Граница проходит по горам и предгорьям. Уровень охраны очевидно недостаточный, прежде всего в плане качества подготовки и мотивации пограничных войск Таджикистана и инженерного оборудования местности. Равнинный участок границы проходит по реке Пяндж.

Восточный участок границы проходит по труднопроходимым Памирским горам. Этот регион характеризуется неразвитостью коммуникаций, сезонной доступностью большинства имеющихся путей сообщения. При этом перевозки по большинству таких путей могут осуществляться только с помощью вьючных животных или вертолётами. В силу суровости условий возможная концентрация на этом участке боевиков будет исчисляться скорее несколькими сотнями. Большее количество будет крайне трудно как разместить, так и обеспечить их снабжение. В этой связи регион опасен скорее за счёт возможного проникновения небольших групп экстремистов. С одной стороны, они могут быть относительно легко нейтрализованы. С другой - их сложнее обнаружить. Кроме того, природные факторы затрудняют действия не только возможных сил вторжения, но сил защищающих этот участок границы.

Участок по реке Пяндж представляется более доступным для проникновения, однако и для защиты также. Можно сказать, что успех будет способствовать той стороне, которая:

- сможет сконцентрировать большие силы на участке прорыва;
- будет иметь более высокий уровень подготовки и мотивации как рядовых бойцов, так и командиров;
- будет иметь более высокий уровень штабного планирования;
- сможет обеспечить большие возможности по форсированию реки или инженерному оборудованию таджикского берега.

Узбекистан граничит с Афганистаном на протяжении 137 км. Граница проходит по реке Амударья. Вдоль всей границы сооружен Афгано-узбекский разделительный барьер. Это одна из наиболее тщательно охраняемых границ в мире. Инженерное оборудование состоит из забора колючей проволоки и второго, более высокого, под электрическим напряжением 380 вольт, минных полей и

усиленно патрулируется. С воды могут быть задействованы бронированные катера «Джайхун» и «Сайхун» Термезской речной флотилии украинского проекта 58150 «Гюрза»³.

Справка: Катера имеют полное водоизмещение 34 тонны. Оснащены двумя двигателями в 1000 л.с. каждый. Максимальная скорость до 55 километров в час (30 узлов). Автономность плавания до 7 дней. Важные узлы катера бронированы.

Экипаж – всего 5 человек. На борту может размещаться десантно-штурмовая или поисковая группа. Вооружение включает артиллерийский модуль (30-мм автоматическая пушка и пусковая установка противотанкового ракетного комплекса «Конкурс»); 14,5-мм пулеметом КПВТ; два 7,62-мм пулемета ПКТ (один спарен с 30-мм пушкой, другой – с 14,5-мм пулеметом) и восемь дымовых гранатомётов. Радиоэлектронное вооружение включает навигационную РЛС и оптико-электронную аппаратуру ночного видения.

Стоит отметить, что в советские времена катера Термезской флотилии (тогда бригады) охраняли участок границы с Афганистаном протяжённостью от населенного пункта Нижний Пяндж (Таджикистан) до населенного пункта Боссаги (Туркменистан), т.е. около 300 км. В некоторых случаях патрулирование осуществлялось до г. Чарджоу, т.е. на участке порядка 450 км. Дозорную службу вдоль линии границы экипажи военных судов несли днем и ночью.

Афганско-узбекская граница проходит по предгорьям, что затрудняет укрытие возможных сил прорыва. В отсутствие тяжёлого вооружения и поддержки с воздуха или средств ПВО против узбекской авиации, любая попытка вторжения может рассматриваться как гарантированный и относительно быстрый способ самоубийства.

Туркменистан граничит с Афганистаном на протяжении 744 км. В афганском конфликте Ашгабад сохраняет благоразумный нейтралитет. У талибов в принципе нет причин для враждебных действий в отношении Туркменистана за исключением одного: там правит светский режим. Для радикальных исламистов этого достаточно. Афгано-туркменская граница наиболее доступна для проникновения. Она проходит по пустынным равнинам и предгорьям. Большая часть границы не имеет естественных препятствий в виде рек или горных участков. Туркменистан является наиболее закрытой страной постсоветского пространства, в этой связи достоверно утверждать об уровне защиты границы сложно. Однако показательным является следующий факт: афганские водители из приграничных провинций заправляются топливом в Туркменистане, где оно дешевле и качество его выше, чем в Афганистане.

Афганско-туркменский участок может использоваться для проникновения в Узбекистан «транзитом» через Туркменистан с целью обойти Афгано-узбекский разделительный барьер.

Уязвимость водной инфраструктуры.

³ Константин Чуприн. *Флот Узбекистана: вчера, сегодня, завтра.* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://vpk-news.ru/articles/5594>.

Туркменистан граничит с северо-западными афганскими провинциями Балх, Джаузджан и Фарьяб. Начиная с 2012 года в двух последних провинциях возобновилось массовое высевание опийного мака, что может рассматриваться как подготовка материальной базы для обеспечения боевиков Талибана.

Сосредоточение экстремистов на территории этих провинций создает гипотетическую угрозу насосным станциям двух машинных каналов, которые качают воду из Амударьи для орошения Кашкадарьинской, Бухарской и Навоийской областей. Станции принадлежат Узбекистану, но находятся в Туркменистане.

Производительность насосной станции Каршинского канала составляет 350 кубометров в секунду, а Аму-Бухарского канала - 270. Оба объекта относятся к категории режимных. Прекращение работы станций означает прекращение поставок воды на треть посевных площадей Узбекистана⁴. Обе станции находятся на удалении до 200 км от афганской границы.

Исторический опыт проникновения диверсионных групп исламистов в Туркменистан есть. 24 января 1983 года моджахеды, базирующиеся в Иране, атаковали территорию Туркменской ССР. Они перешли границу, устраивали засады и обстреливали военные объекты.

«Плохие» границы.

Границы центральноазиатских стран накладываются на сложную и противоречивую этническую карту региона. Рубежи существующих государств и их идентичность были во многом сформированы большевиками в ходе национально-территориального размежевания 1920–1930-х годов. При этом зачастую игнорировались сложившиеся на тот момент границы кланов, племен и регионов. Не брались в учёт рубежи существовавших на тот момент государств региона: Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Всё это предопределило разногласия и напряженности на границах государств уже внутри самого региона. Нет никаких оснований считать, что их удастся окончательно преодолеть в обозримой перспективе. Кроме того, высока вероятность, что в кризисной ситуации фактор произвольно проведенных большевиками границ сыграет дестабилизирующую роль.

Низкий уровень взаимодействия постсоветских стран.

В настоящее время интеграционные объединения постсоветских государств демонстрируют функциональную слабость и полную неспособность обеспечить безопасность своих участников. Это касается как Организации Договора о коллективной безопасности, так и Шанхайской организации сотрудничества⁵. Фактически можно уверенно утверждать, что на постсоветском пространстве нет межгосударственной структуры, способной выполнять функцию органа коллективной безопасности стран региона. 12 марта текущего года в ходе выступления в Сенате США директор национальной разведки Джеймс

⁴ЯдгорНортубаев. *Афганская провинция Фарьяб как плацдарм для «жареных петухов»*.//[Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.fergananews.com/articles/7717>

⁵ZhulduzBaizakova. *Central Asia in the Crossfire Survival or War?*//The Foreign Military Studies Office, 2013. С.4.

Клэппер (James Clapper) отметил, что «центральноазиатские государства не выстроили конструктивных взаимоотношений друг с другом».

Низкий уровень экономического взаимодействия и неспособность договариваться, прежде всего, на уровне руководителей стран региона имеет место на фоне неэффективного использования электроэнергии и воды, изношенности транспортной инфраструктуры⁶. Уже в среднесрочной перспективе ключевым фактором, влияющим на социально-политическую стабильность в государствах региона, могут стать последствия изменения климата и таяния ледников.

К настоящему времени все попытки государств Центральной Азии наладить эффективное сотрудничество (например, через такие региональные структуры, как Центральноазиатское экономическое сообщество и Организацию Центральноазиатского сотрудничества) не привели к положительным результатам. Некоторые из проблем в отношениях между этими государствами (прежде всего, в сфере распределения воды и электроэнергетики) представляются трудноразрешимыми в перспективе ближайших десятилетий.

Застой системы государственного управления.

Д. Клэппер в представленном им Сенату США ежегодном докладе о международных угрозах безопасности указал: «Руководство центральноазиатских стран ставит задачу обеспечения стабильности превыше политико-экономических реформ, которые могли бы оздоровить ситуацию с управлением и легитимностью власти в долгосрочной перспективе. Большинство из них опасается признаков восстаний по типу «арабской весны» и подавляет даже минимальные признаки недовольства. Не исключены и конфликты на национальной почве, которые могут возникнуть практически спонтанно. Столкновения между представителями узбекской и киргизской национальностей на юге Кыргызстана после свержения правительства в 2010 году унесли жизни более 400 человек, а в условиях непринятия властями шагов по направлению процесса примирения сохраняется высокий уровень напряженности между данными национальностями».

Ситуация усугубляется также репрессивным характером существующих в них режимов (за исключением Кыргызстана), критической зависимостью Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана от денежных переводов трудовых мигрантов из-за рубежа, вопиющим уровнем коррумпированности⁷.

Радикализация региона.

Авторитарные режимы региона не допускают политического плюрализма и любая их альтернатива уходит в иные сферы, в том числе - религиозные. Зачастую религиозные движения становятся основной формой оппозиции существующему строю. Такая деятельность может принимать нелегальный характер. В ответ правительства региона ведут в отношении исламских организаций репрессивную политику, что ещё более способствует радикализации верующих.

⁶Альберт Зульхарнеев. *Вода, вода, кругом вода.* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=487#top

⁷Сара Кендзиор. *Проклятие стабильности в Центральной Азии.* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.inozpress.kg/news/view/id/38858>

В регионе уже сформирована разветвленная и хорошо организованная сеть религиозных экстремистов, которые в случае крайнего обострения обстановки могут открыть «внутренний фронт» против правящих режимов.

В первую очередь следует речь идёт о партии «Хизбут-Тахрир», которая, несмотря на нелегальный статус, глубоко укоренилась в Кыргызстане.

Справка: Суннитская религиозно-политическая организация, созданная в 1953 году в Иерусалиме судьей шариатского апелляционного суда Такиуддином ан-Набхани. После его смерти в декабре 1977 года амиром организации стал палестинец Абдул Кадим Заллум, 1925 года рождения, ныне проживающий в Иордании. «Хизбут-Тахрир» называет себя «политической партией, идеологией которой является ислам». Цель: объединить всю Умму (мировое исламское

сообщество) в единый Халифат, вернуть мусульман к исламскому способу жизни согласно законов шариата. На данный момент штаб-квартира организации находится в Лондоне. Однако, партия имеет большое количество последователей в Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане и Казахстане, а также в набирает обороты в мусульманских регионах Российской Федерации, особенно в Татарстане. Экспансия «Хизбут-Тахрир» в Центральную Азию началась после развала Советского Союза в начале 1990-х. По одной из оценок в Центральной Азии насчитывается более 100 тыс. последователей организации.

Бытует мнение, что она тайно финансирует и осуществляет материально-техническое обеспечение террористических операций в Центральной Азии и в других местах, хотя атаки могут производиться от имени местных групп. В настоящее время группа подвергается жестоким репрессиям со стороны региональных правительств, которые считают её радикальную идеологию основной угрозой.

В Пакистане и Бангладеш «Хизбут-Тахрир» обвиняют в попытке установить свой контроль над государством за счёт проникновения в ключевые гражданские и военные учреждения.

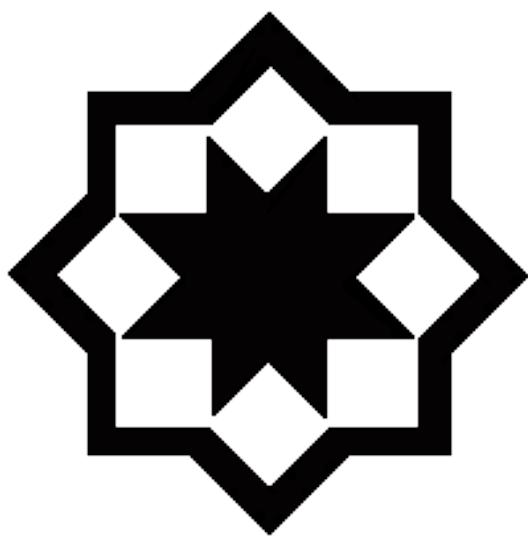
Сегодня эта организация – самая массовая в среднеазиатском регионе. «Хизбут-Тахрир» ориентируется на вербовку маргинальных слоев населения. Основной упор делается на молодых безработных людей в возрасте от 25 до 35 лет из сельской местности. Кроме того, партия пытается вербовать представителей из социально уязвимых групп населения, таких как пенсионеры, студенты и многодетные родители. Также ведётся активная вербовка в отношении представителей правоохранительных структур, исполнительной власти в надежде, что те смогут помочь защитить ячейки организации от преследований и оказать помощь на местах.

Для наращивания своего актива, «Хизбут-Тахрир» активно использует социальную популистскую риторику. От активистов партии требуется вести активную агитацию, в первую очередь - среди родственников. Каждый член партии

ежемесячно сдает в организационную кассу 5-20% от своего дохода. Поэтому руководство «Хизбут-Тахрир» требует, чтобы все её активисты трудились⁸.

В Таджикистан радикальный ислам пришел вместе с ветеранами гражданской войны начала 90-х и беженцами, жившими в Пакистане. В 2009 году по неофициальной информации на территории этой страны проживало не менее 20 тыс. салафитов. Первоначально власти весьма лояльно относились к распространению салафитской идеологии, не усматривая в ней призывов к насилию. Однако уже в начале 2009 года салафизм был признан вне закона Верховным судом страны. Арест некоторых ярких фигур данного движения не только лишил его лидеров, но и дал им образ мучеников за веру. Параллельно, радикальные религиозные воззрения получают достаточно широкое распространение в среде таджикских трудовых мигрантов.

Разделяют салафитскую идеологию и многие узбекские трудовые мигранты. Однако в самом Узбекистане гораздо большее распространение получили «Хизбут-Тахрир» и «ТаблигиДжамаат».

Справка: «ТаблигиДжамаат» первоначально – аполитичное миссионерское и религиозное движение, организованное в 1926 году в Индии Мауланой Мухаммадом Ильясом. Цель: духовное преобразование в исламе посредством работы участников на уровне широких масс людей и обращения к мусульманам вне зависимости от их социального и экономического статуса с целью приблизить их к религиозной практике ислама, указанной пророком Мухаммадом. Джамаат делает упор не

на призыве иноверцев и атеистов в ислам, а работает в среде так называемых «этнических мусульман». Движение видит свою цель в оживлении религии в среде народов, традиционно исповедующих ислам. Проповедуемые нормы отличаются радикализмом и полным отрицанием какой-либо модернизации первоначального учения. Поэтому многие положения «ТаблигиДжамаат» даже среди мусульман считаются дикостью. Организация запрещена в Таджикистане, Узбекистане, Туркменистане, Кыргызстане.

В Кыргызстане первые салафиты появились в конце 90-х и первоначально особого успеха не имели. Однако уже к 2009 году, например, по информации главы Государственной комиссии по делам религий число салафитов составило 30% кыргызских мусульман. При этом фиксируются случаи, когда новообращенные кыргызские офицеры проводят агитацию в армейской среде, образуя ячейки

⁸Аскер Султанов. «Хизб-ут-Тахрир» подрывает безопасность в Кыргызстане.//[Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.inozpress.kg/news/view/id/38991>

радикалов внутри воинских частей⁹. В последнее время отмечается ужесточение позиций кыргызских исламистов: активно вербуются боевики для участия в войне против сирийских властей¹⁰.

Менее остро стоит проблема салафизма в Казахстане. Основными центрами распространения этого учения считаются Мангистауская, Атырауская и Актюбинская области страны. Приводятся данные о наличии 24 радикальных салафитских группировок численностью около 500 человек. Кроме того, недавно выяснилось, что российская военная разведка информирует руководство страны о всё более активном участии боевиков из Казахстана в военных действиях в Сирии в составе «ливийского корпуса» и в Афганистане в составе отрядов Исламского движения Узбекистана¹¹.

В отношении Туркменистана в силу закрытости этой страны нет сколь-либо конкретной информации. Однако можно предполагать, что ситуация там не отличается от аналогичной в соседних государствах¹².

Отдельно следует отметить факты покупки радикалами должностей в официальных религиозных структурах стран региона. Это позволяет до определённой степени легализовать статус проповедников, более открыто обращаться к верующим и вести в их среде непосредственную работу. В силу специфики религиозного сектора говорить о том, насколько широко практика покупки духовных должностей получила распространение, возможности нет. Можно лишь предполагать, что исламские радикалы, отличающиеся целеустремлённостью и комплексностью работы, не могут пройти мимо такой возможности.

Противоречия внутри политических элит региона.

Центральная Азия разделена не только государственными границами. Конфликты присутствуют и на межгосударственном уровне, и внутри политических элит стран региона.

Местные политические элиты (за исключением закрытого от внешнего мира Туркменистана, о котором просто нет информации) отличает фрагментированность. В случае обострения обстановки это затруднит любые усилия по стабилизации, выработке некоего решения проблемных вопросов.

Показательным является пример Кыргызстана. Российские исследователи отмечают ограниченные возможности России, как основной стабилизирующей силы региона, по влиянию на кыргызские элиты именно в силу их разрозненности. Несмотря на то, что бюрократия в целом дружелюбно настроена по отношению к России, значительная часть местной элиты (особенно в регионах) не приемлет

⁹К. Байлутденов. *В Кыргызстане радикализуют военнослужащих.*//[Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1364307420>

¹⁰ЗаирбекБактыбаев. *Воюющая Сирия вербует кыргызских джихадистов.*//[Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1366230900>

¹¹Ближний пояс безопасности.//[Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1365099180>

¹²А.Евстратов. *Салафизм в России и СНГ.*//[Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.centrasia.ru/news.php?st=1365000000>

отношений с Россией ни в каких формах¹³. В стране отмечается взрывной рост националистических настроений. Пока не совсем понятно, является ли этот процесс естественным и закономерным этапом развития кыргызской государственности, либо же - следствие внутривластной борьбы, когда националистические лозунги используются лишь с целью борьбы с правящим условно промосковским режимом.

В этой связи вмешательство любой третьей силы в региональные конфликты чревато тем, что недовольные элиты пойдут на союз с исламистами. В общем-то, нечто подобное происходит в самой России в Татарстане и Башкортостане, где ранее светские националисты всё больше ориентируются на фактор религиозной идентичности, а не только этнической. Поэтому Кремль вынужден действовать крайне осторожно.

В целом, Кыргызстан можно рассматривать как зеркало региона. Другое дело, что правящие режимы в Казахстане, Узбекистане и Таджикистане (и скорее всего в Туркменистане) пока способны подавлять конкурирующие элиты, прежде всего, региональные. Однако, И. Каримов и Н. Назарбаев уже немолоды.

Наличие «кадрового резерва» опытных экстремистов.

В регионе уже в течение многих лет эффективно действует своеобразная академия экстремизма. Речь идет об Исламском движении Узбекистана (далее по тексту ИДУ). Следует отметить, что ИДУ не является этнической группировкой, объединяя в своих рядах представителей различных центральноазиатских государств, а также России. В настоящее время ИДУ выполняет организационные функции, содействуя отправке миссионеров радикального ислама в государства региона из Пакистана.

Кроме того, ИДУ располагает собственной группировкой обученных боевиков, инфраструктурой боевой подготовки, системой пропаганды. То, что в настоящее время влияние ИДУ в государствах региона напрямую незаметно не должно вводить в заблуждение. В случае дестабилизации обстановки движение способно быстро нарастить свой потенциал, используя имеющуюся базу, и восстановить операционные возможности на территории Таджикистана, Кыргызстана и ферганского региона Узбекистана.

По данным разведки Узбекистана ИДУ уже предпринимает активные попытки инфильтрации в Центральную Азию из Афганистана и Пакистана. Якобы, движение планирует дестабилизировать обстановку в ферганском регионе Узбекистана, а также на узбекско-кыргызской границе. В текущем году отмечены случаи задержания боевиков ИДУ в Таджикистане. При этом, движение наращивает взаимодействие с террористическими группировками в регионах России и уйгурскими инсургентами в Китае¹⁴.

¹³ *Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители.* // Российский совет по международным делам, Институт востоковедения РАН, 2013. С.15.

¹⁴ *Islam, Islamism and Politics in Eurasia. Report (IPER) No. 66.* // Center for Strategic and International Studies, 28 March 2013. С.10.

ВЫВОДЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ.

Любая дестабилизация в Центральной Азии - это проблема в первую очередь политическая. Ситуация в Афганистане безусловно может осложнить положение центральноазиатских государств СНГ. Однако следует отметить, что как бы она (афганская ситуация) не была плоха, невозможно «расшатать» внутренне положение в стране, тем более из-за рубежа, если для этого нет предпосылок. И основные усилия по поддержанию стабильности должны предпринимать именно местные власти.

Более того, им следует заручиться поддержкой большинства своего населения. Местные режимы должны обеспечить максимально возможную эффективность, доказать свою состоятельность в деле руководства собственной страной. Пока что это наблюдается далеко не во всех государствах региона.

Поддержка местных режимов.

В последние пару лет регулярно звучат заявления о возможности задействования сил ОДКБ для защиты стабильности в странах-членах от террористов и политических экстремистов. Надо понимать, что речь идет о перспективах вовлечения Беларуси в контрповстанческую борьбу на чужой территории. В этой связи полезно изучить «свежий», американский опыт деятельности за рубежом, получивший название «третья сторона».

США имеют большой и успешный исторический опыт ведения обычных конвенционных войн. Гораздо менее успешным были военные действия против иррегулярных формирований во Вьетнаме, Афганистане и Ираке. Хотя ряд американских военных и выражают уверенность в возможности победы в противоповстанческой войне за счет тактики и комплексности усилий, факт остается фактом: «третьей стороне» редко удавалось победить повстанцев. Потратив более чем USD2 трлн пожертвовав 65 тыс. жизней во время военных кампаний за последние 40 лет, США столкнулись с необходимостью определения такой методики принятия политических решений, которая бы позволила не разбазаривать ресурсы в войнах, которые не могут быть выиграны.

Американские специалисты обратили внимание на то, что в иррегулярной войне необходимо сочетание комплекса военных и невоенных усилий. И ключевым фактором является отношение местного населения как к своим властям, так и к «третьей силе».

Если «третья сила» пытается подменить местные власти, то в силу языкового, религиозного и ценностного барьеров это может стать проблемой. Сам факт иностранного военного присутствия в чужой стране может быть достаточным основанием для превращения местных жителей в противников собственного правительства и поддерживающих его чужаков (неумышленно спровоцированная герилья). Такая герилья может превратиться из явления локального в глобальное, вовлекая в конфликт в той или иной форме зарубежных участников.

Другой серьезной проблемой крупномасштабного вмешательства становится необходимость выделения значительных финансовых ресурсов на поддержание устойчивости местных властей. Что в итоге разрушает их легитимность, так как они предстают в роли наёмников иностранцев, предателей. Однако и это не всё: деньги интервентов, выделяемые местной властью, начинают работать против самих

интервентов. Средства и материальные ресурсы, выделяемые США для иракских и афганских властей зачастую оказывались в руках инсургентов и помогали финансировать, обучать и вооружать боевиков для нападения на американских военных.

Сохранение приемлемого уровня коррупции - необходимое условие сохранения легитимности всякой власти. В Афганистане иностранная помощь коррупцию по факту лишь стимулировала.

Крупномасштабное использование иностранных военных сил во внутренней борьбе приводит к тому, что рано или поздно на интервентов ложатся и небоевые функции: развитие инфраструктуры, поддержание правопорядка, ликвидация последствий стихийных бедствий и т.п. Не имея необходимых навыков, они просто не смогут обеспечить выполнение невоенных задач на должном уровне. Отвлечение войск на несвойственную деятельность закономерно ведёт к снижению их боеспособности. В итоге, как показывает афганский опыт НАТО, военные не могут выполнить качественно никакие задачи вообще. Ни боевые, ни гражданские.

Опыт США демонстрирует и положительные примеры, когда в течение долгого времени страна выступала в качестве «третьей силы» для борьбы с мятежниками по приемлемой цене, сводя к минимуму случайную герилью и коррупцию. Речь идет о группах советников и материально-технической поддержке местных сил безопасности.

Однако отправка одних лишь советников таит в себе угрозу поражения союзных сил. Тем не менее, этот риск оправдан. Местные войска не будут сражаться с отдачей, если будут уверены в том, что есть «палочка-выручалочка» - иностранные силы. Надо понимать, что иностранные военные никогда не смогут заменить местных, если последние не желают бороться с внутренними угрозами и местные власти, неспособные эффективно управлять своей страной.

Вывод для Беларуси из американского опыта очевиден. Поддержка союзных по ОДКБ режимов может осуществляться лишь в виде помощи в подготовке кадров, предоставлении вооружений и специальной техники, оказания транспортных услуг. Но ни в коем случае не кровью собственных солдат.

Однако, любая поддержка должна оказываться только в том случае, если она может быть эффективно использована. Принимая решение о помощи необходимо предварительно проанализировать уровень эффективности местных властей, степень их коррумпированности, наличие поддержки со стороны большинства, или хотя бы значительной части местного населения. Очевидно, что если эти факторы являются неблагоприятными, возможно лишь два решения:

- отказ в помощи;
- оказание поддержки, обусловленной четкими шагами местных режимов по борьбе с коррупцией, расширению собственной общественной базы и прочих шагов, направленных на повышение эффективности государственного управления.

Следует отметить, что будущее центральноазиатских государств, за исключением Казахстана, не является жизненно важным для нашей страны. В первую очередь, нас должна беспокоить стабильность в России.

Российский фактор.

По сути, Россия и Казахстан являются буферными государствами для Беларуси относительно вероятных осложнений в Центральной Азии. Реагирование на возможную дестабилизацию обстановки в Афганистане со стороны Беларуси должно включать в себя укрепление взаимодействия в первую очередь с Россией.

К мерам реагирования можно отнести:

- продолжение практики информирования российской стороной компетентных органов Беларуси о ситуации в Афганистане и центральноазиатском регионе;
- тесная координация в части борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом со спецслужбами России;
- взаимодействие правоохранительных органов двух стран для пресечения нелегального оборота наркотиков, оружия и миграции, имеющих исходные точки в Центральной Азии и Афганистане;
- укрепление контроля на восточной границе Беларуси, включая создание протопограничной системы её охраны.

Следует отметить, что Россия является не просто буферным государством для нас в отношении угроз и рисков в Центральной Азии. Она также в силу масштаба способна «абсорбировать» и основные неблагоприятные последствия возможной дестабилизации в регионе (наркотрафик, миграцию, контрабанду оружия и т.п.).

Учёт интересов лидеров региона.

Безусловно, в значительной мере развитиевнутриафганских процессов зависит от позиции региональных держав – Пакистана, Ирана и Индии. Необходимым условием любых шагов по поддержке стабильности в регионе является учёт интересов Ирана и Индии. «Выпадение» Пакистана, несмотря на его огромный людской и военный потенциал, вызвано длительным системным политическим и экономическим кризисом и чувствительной зависимостью страны от поддержки внешних доноров. В обозримой перспективе к этому добавится и жесточайший водный кризис. Кроме того, Пакистан является оплотом многих исламистских организаций; с его территории ведётся подрывная деятельность против Ирана и Индии. Очевидно, что обе эти страны будут противодействовать установлению в Афганистане режима, союзного Исламабаду.

Учёт конкуренции и противоречий между ведущими государствами региона является обязательным условием при принятии любых решений Минска по Афганистану.

Более того, в интересах центральноазиатских государств СНГ вовлечение Индии и Ирана в систему поддержания стабильности вокруг Афганистана. Однако совершенно очевидно, что в обозримой перспективе подобное вовлечение невозможно, так как оно противоречит амбициям России на лидерство в постсоветской Центральной Азии. Хотя из Москвы могут следовать заявления противоположного характера.

Очевидно, что совокупный потенциал Индии уже значительно превосходит российский, а Иран имеет необходимый потенциал для стремительного наращивания влияния в регионе. Которое в настоящее время сдерживается западными санкциями против этой державы. Кроме того, следует помнить, что и Иран, и Индия располагают растущим демографическим ресурсом и политической

волей для вовлечения в крупномасштабное и длительное противостояние в Афганистане и вокруг него. Очевидно, что российское государство, вступив в полосу упадка, имеет более низкий «болевого порог».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Таким образом, к числу очевидных выводов для Беларуси следует отнести следующие:

1. Возможная дестабилизация региона Центральной Азии вероятна прежде всего в силу слабости государственных институтов стран региона (за исключением Казахстана); низкого уровня эффективности государственного управления; недостатка демократии как основного механизма, позволяющего сформировать качественные управленческие элиты; неготовности стран региона к компромиссу по спорным вопросам.

2. Вероятность быстрой и критической дестабилизации ситуации сразу после вывода войск западной коалиции из Афганистана далеко не очевидна. Религиозным экстремистам может потребоваться значительный период времени для установления своего контроля над этой страной или её основной частью.

3. Ожидать масштабного вторжения из Афганистана на территорию бывших советских республик Центральной Азии не стоит. Вооруженная угроза этим государствам приобретает форму «мятежевойны», в ходе которой территория Афганистана будет использоваться в качестве базы и плацдарма для экстремистов.

4. Исламисты являются наиболее эффективной силой в регионе. По крайней мере - пока.

5. Основная опасность не в характере политического режима, который будет существовать в Афганистане в будущем, а в перспективах дезинтеграции этой страны, создания на её северных территориях ситуации отсутствия договороспособных властей.

6. Усилия компетентных органов Беларуси следует сосредоточить на отслеживании положения в части религиозного экстремизма в России и прогнозировании развития ситуации в соседней стране.

7. Высокую степень опасности для нашей страны представляет производство наркотиков в Афганистане. В этой связи наращивание взаимодействия по линии компетентных органов со странами региона является крайне необходимым.

8. Беларусь не имеет интересов, которые требовали бы активного силового вмешательства в положение дел в регионе. А её ограниченные возможности предполагают и ограниченный характер поддержки дружественных режимов в Центральной Азии.

9. В силу объективной неустойчивости правящих в Центральной Азии режимов и ограниченности ресурсов Беларуси, наша страна может оказывать только обусловленную помощь государствам региона. Беларуские условия должны быть направлены на повышение эффективности, консолидацию и укрепление легитимности правящих элит региона.

10. Критическую важность приобретает уровень информационного обмена относительно ситуации в Афганистане и Центральной Азии с компетентными органами стран-участниц ОДКБ, а также Индии и Ирана. Беларуские власти, вырабатывая национальную политику в центральноазиатском регионе, не должны по возможности игнорировать позиции пакистанских элит.

11. Гибкость, информированность и примат национального интереса над внешнеполитическими обязательствами – три необходимых «кита» белорусской стратегии в регионе.

Аналитический проект BelarusSecurityBlog

www.bsblog.info

admin@bsblog.info

